

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

З.Т. Голенкова
Е.Д. Игитханян

Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Golenkova_Igithanyan.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

© 2008 г.

З.Т. ГОЛЕНКОВА, Е.Д. ИГИТХАНИЯ

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: В ПОИСКЕ
АДЕКВАТНЫХ ОТВЕТОВ**

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, зам директора Института социологии РАН. ИГИТХАНИЯ Елена Давыдовна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник того же института.

В дореволюционной России (т.е. до 1917 г.) проблематика классов и сословий, социального расслоения составляла ядро социально-философского и социологического мышления. В советский период вплоть до 60-х гг. XX века социальная структура становится полем острой идеологической полемики.

В период «хрущевской оттепели» 1960-х годов возрождение социологических исследований в данной области остается под жестким идеологическим контролем, так как формула социальной структуры – два класса (рабочие и крестьяне) плюс прослойка интеллигенции – абсолютна и сменялась лишь очередными партийными установками о «сближении классов», «становлении социальной однородности» социалистического общества. Однако, несмотря на идеологические шоры, исследователи социальной структуры мало-помалу расшатывали официальные каноны просто потому, что данные эмпирических исследований противоречили им. В свойственной тому времени манере маскировки реальности, изобретая идеологически приемлемые словосочетания, исследователи социальной структуры приближались к научным стандартам мировой социологии и в понятийном аппарате. Например, социальная мобильность обозначалась как социальные

перемещения, межклассовые образования именовались самым разным образом и, прежде всего, в терминах вроде «различия по характеру и содержанию труда», «рабочие-интеллигенты», «рабочие-крестьяне» и т.д., хотя проблемы номенклатуры, бюрократии, элит оставались темами-табу.

Гласность периода перестройки открыла широкую дорогу для объективного, неидеологизированного изучения социальной стратификации, и начавшиеся позже рыночные реформы выдвинули столько проблем и в таком специфическом российском контексте, что ни одна из классических теорий не дает удовлетворительного их объяснения [1].

Первые эмпирические исследования в 60-е гг. социальной структуры поставили вопрос о более дифференцированных различиях между социальными слоями и группами в рамках классовой теории.

В январе 1966 г. в Минске состоялась первая научная конференция по теме «Изменения социальной структуры советского общества», собравшая свыше 300 участников — философов, социологов, экономистов, историков, правоведов - почти из всех регионов страны. Конференция обнажила целый комплекс проблем, фактически утвердив правомочность новых направлений анализа, но самое главное — «легитимировала» отход от «трехчленки». Ведущую роль в этой дискуссии и последующих исследованиях сыграли Н. Аитов, Л. Коган, С. Кугель, М. Руткевич, В. Семенов, Ф. Филиппов, О. Шкаратан и др. Здесь же отметим, что дискуссия в Минске стимулировала самоидентификацию социологов, исследователей социальной структуры.

В рабочем классе начали выделять малоквалифицированных и занятых тяжелым физическим трудом, с одной стороны, и рабочих-интеллигентов, с другой. В сельском хозяйстве акцент делается не столько на различении работников государственных совхозов и колхозных крестьян, но на выделении групп малоквалифицированного труда (полеводов, животноводов) и высококвалифицированного слоя механизаторов. В слое интеллигенции выделяются служащие средней квалификации, высококвалифицированные специалисты и т.д. После бурных дискуссий

участники конференции вынуждены были согласиться с тем, что понятие «социальная стратификация» не вписывается в марксистскую схему и должно быть отторгнуто.

К 50-летию Октябрьской революции 1917 г. многие журналы («Вопросы философии», «Коммунист», «Вопросы истории» и др.) публикуют статьи, посвященные анализу воспроизводства и изменений в социальной структуре советского общества вполне в русле партийных установок: превращение рабочего класса в господствующий, осуществление им руководящей роли в обществе; ликвидация эксплуататорских классов, социальной противоположности между городом и деревней, между работниками умственного и физического труда, превращение всех трудящихся в единый тип — социалистических работников; устранение классовой борьбы.

На этом фоне социологическое сообщество, к концу 60-х гг. уже объединившееся в Советскую социологическую ассоциацию, в центральных научно-исследовательских секциях продолжает исследовательскую работу. В рамках секции социальной структуры ССА (ее председателем был В.С. Семенов) инициировалась дискуссия относительно определения самого понятия «социальная структура» и ее элементов. Социальная структура представлялась как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, то есть классов (групп), а социальная группа - как относительно стабильная совокупность, объединенная общностью функций, интересов и целей деятельности. Разрабатываются и уточняются критерии социально-классовой и внутриклассовой дифференциации, взаимосвязи профессионального разделения труда и социальной структуры. Иными словами, в научный оборот вводятся новые категории социологического видения социально-классовых отношений. Исследователи начинают широко использовать государственную статистику: материалы статистики народного хозяйства СССР и союзных республик, профессионального учета. Анализ

этих данных приобретает собственно социолого-теоретическую парадигматику [3].

Широко разворачиваются исследования стратификации (под названием социально-слоевой структуры общества) и социальной мобильности (то есть социальных перемещений, как это утвердилось в социологической терминологии того времени).

Большой эмпирический материал дали опросы, проведенные на различных предприятиях страны. Под руководством О. Шкаратана в 1965 году было предпринято исследование машиностроителей г. Ленинграда. В книге «Проблемы социальной структуры рабочего класса» О. Шкаратан рассматривает вопросы, связанные с общими изменениями в социальной структуре советского общества и особенностями внутриклассовой структуры рабочего класса в зависимости от определенного этапа развития социальных отношений, подчеркивая, что основные факторы, обуславливающие образование слоев внутри рабочего класса, менялись в связи с переменами в целостной социальной структуре. Уточняются также границы рабочего класса как «исторически подвижные». Здесь достаточно отчетливо прослеживается социально-стратификационный подход: «...в социалистическом обществе идет интенсивный процесс стирания классовых граней, возникают смешанные в классовом отношении группы населения» [4, с.112]. Следуя этой логике, автор включает в состав рабочих обширные слои работников нефизического труда, в том числе технической интеллигенции. В той же публикации рассматриваются и другие дискуссионные вопросы, впервые поставленные на минской конференции, в частности, о месте интеллигенции в системе общественных классов при социализме. Возражая М.Н. Руткевичу (одному из сторонников выделения интеллигенции в особый социальный слой и противнику расширительного толкования границ рабочего класса), О.И. Шкаратан отмечает, что различия между рабочим классом и интеллигенцией вследствие изменений функций последней все более выступают как сторона внутриклассовых, хотя и существенных

различий. Поэтому, утверждает он, значительную часть советской интеллигенции и других работников нефизического труда можно включить в состав рабочего класса, а интеллигенцию, связанную с колхозным производством, — в колхозное крестьянство.

Тезис о сложной внутриклассовой или внутригрупповой дифференциации утвердился в социологической литературе. Так, с этой точки зрения, в зависимости от содержания и квалификации труда в колхозном производстве выделяли инженерно-технический и административно-управленческий персонал, механизаторов, колхозников, не имеющих профессиональной подготовки и специализации, занятых преимущественно ручным трудом. Далее, хотя колхозники составляли большинство сельского населения, его значительную часть представляли рабочие и служащие государственных предприятий. Отнесение этой категории к рабочим, наряду с другими рабочими, или к служащим вызывало сомнения. Данные, полученные в 1963 г. в результате опроса сельского и городского населения уральскими социологами (руководитель исследования Л.Н. Коган), свидетельствовали о существенных различиях культурных потребностей в первую очередь сельских и городских жителей. В результате утверждается методологический принцип многокритериального выделения социальных слоев. В это же время Ю.В. Арутюняном были начаты более масштабные обследования села [5]. Основное содержание этих и других обследований сводилось к выделению социально образующих признаков, выявлению количественных пропорций отдельных слоев сельского населения.

Анализу структуры и границ интеллигенции, работников умственного труда, а также проблеме преодоления различий между физическим и умственным трудом были посвящены в эти годы работы теоретико-методологического и эмпирического характера. Наиболее распространенным становится следующее определение: под интеллигенцией (в узком, непосредственном смысле) в социалистическом обществе понимается

социальная группа, слой, «состоящий из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим специального, среднего или высшего образования» [6, с. 136—137]. Авторы ввели в научный оборот и понятие «практики», имея в виду специалистов без соответствующего их должности дипломированного образования.

Интеллигенция приобретает черты особой социальной группы; занятая в производстве, труд которой базируется на «общенародной» (государственной) собственности, она близка к рабочему классу (это относится и к колхозным специалистам), но ее место в общественном разделении труда и распределении материальных благ не рассматривается как классовобразующий признак.

Обсуждались также различия между работниками, занятыми интеллектуальным трудом высокой квалификации, и канцелярскими служащими. Поскольку последние не заняты «духовной деятельностью», этот вид труда «трудом по обслуживанию». Рассматривалась и проблема «профессиональных отрядов» интеллигенции, и, прежде всего, инженеров. С. Кугель в исследовании молодых инженеров Ленинграда (1965) проследил профессиональные пути молодых специалистов, особенности труда инженеров различных категорий, профессиональные ориентации выпускников технических вузов [7].

60-е гг. знаменуются бурным развитием профессий умственного труда, увеличением доли интеллектуальных видов деятельности, возрастанием численности и удельного веса высококвалифицированных специалистов. Научно-техническая революция вызывает «лавинообразный» рост численности научных работников, повышает социальный престиж высшего образования и научной деятельности, что становится специальным предметом изучения. Изменения в социальном составе студентов исследовали многие социологические центры страны, и хотя наиболее представительные работы появились позже, уже в 1963 г. социологической лабораторией Уральского университета проводятся опросы выпускников 11-

х классов школ, изучается процесс пополнения специалистов из различных социальных групп, т.е. социальная мобильность. В эти же годы проводятся масштабные исследования трудоустройства и выбора профессии молодежью. Обследования 1963-1969 гг. в Новосибирской, Ленинградской областях, Бурятской АССР (руководитель В.Н. Шубкин) позволили на достаточно представительном материале выявить тенденции социального поведения выпускников средних школ при выборе первой профессии, определить меру соответствия личных планов и профессиональных ориентации с реальными возможностями их осуществления в зависимости от социального статуса семьи, места проживания (деревня, город) и т.д. [8].

Анализ тенденций и механизмов социальной мобильности обнаруживает изменения в количественных пропорциях социальных групп. Фактически до 60-х гг. исследований социальной мобильности в СССР не было. Сама постановка вопроса требовала определенной научной смелости. Используются такие понятия, как «социальная подвижность» и, наконец, «социальное движение», «социальные перемещения». Последнее утверждается как «советский вариант» понятия социальной мобильности после публикации в 1970 г. книги М.Н. Руткевича и Ф.Р. Филиппова под таким названием [9]. В книге приводились материалы исследований, освещающих различные стороны социальной мобильности населения в отдельных регионах страны (Урал и Свердловская область, в частности). Но несмотря на региональный характер исследований, а, может, и благодаря ему, удалось выявить специфику мобильности в индустриальных и урбанизированных районах страны, межпоколенческие и внутрипоколенческие социальные перемещения.

В 1974 г. («для служебного пользования», как это практиковалось в те годы) издается сборник переводов и обзорных статей по проблемам социальной мобильности: П. Сорокин, Р. Эллис, В. Лэйн, С. Липсет, Р. Бендикс, К. Болте, К. Сваластога и др. В предисловии к сборнику отмечалось, что в методике исследований процессов социальной мобильности и

математическом аппарате, применяемом «буржуазными социологами», есть немало интересного и для социологов-марксистов [10]. Фактически происходит становление отрасли социологического знания, социологии социальной структуры.

Исследования в 70-х гг. проходили преимущественно под знаком широко пропагандируемого лозунга о развитии социальной структуры социалистического общества в направлении социальной однородности. Содержание философско-социологических дискуссий того времени (с участием представителей новой социальной дисциплины, названной «научным коммунизмом») показательным стремлением как-то совместить непререкаемые марксистские категории анализа социальной структуры с потребностью изучения социальных реалий. Что является предметом этих дискуссий? Уточняется понятийный аппарат таких, например, категорий, как «социальное равенство» и его соотношение с понятием «социальная однородность» (последняя рассматривается в качестве «ведущей» в системе категорий социальной структуры). На страницах журналов «Вопросы философии», «Социологические исследования», «Вопросы истории», «Коммунист», «Научный коммунизм» и др. обсуждаются критерии социальной дифференциации, понятийный смысл терминов: социальное различие и социальное единство, интеграция, дифференциация, класс, группа, слой. Как видим, понятия «социальное неравенство», «иерархия» социологи предпочитают не анализировать. В эти годы были проведены две всесоюзные конференции по социальной структуре (Свердловск, 1971 г.; Звенигород, 1976; Таллин, 1981).

Особо подробно изучаются «основные социальные образования» (рабочие, крестьянство и интеллигенция). Этот термин позволил совместить смысл категории класса и социального слоя. В Институте социологических исследований АН СССР («головная» организация в социологии, как это было принято, т.е. координатор исследований по разным направлениям) были

созданы секторы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, объединенные в отдел социальной структуры (руководитель Ф.Р. Филиппов).

Акцент переносится на анализ внутриклассовых различий. Характер труда рассматривается в качестве основного слоеобразующего признака. Различия по характеру труда становятся главными критериями дифференциации не только между рабочим классом, служащими, но и внутри них. Так, в рабочем классе выделяли три основных слоя (по уровню квалификации) и пограничный слой рабочих-интеллигентов — высококвалифицированных рабочих, занятых наиболее сложными, насыщенными интеллектуализированными элементами видами физического труда. Похожее социальное деление отмечалось внутри интеллигенции и колхозного крестьянства. Кроме того, предлагалось деление интеллигенции на специалистов и служащих-неспециалистов. Среди специалистов начинают выделять ту часть, которая занята организаторским трудом, причем категорически отвергается идея о формировании особой социальной группы, нового класса, партийно-хозяйственной бюрократии, хотя в западной литературе того времени широко обсуждается вопрос о классе номенклатуры в советском обществе. Начало этой дискуссии было положено М. Джиласом в книге «Новый класс», которая была переведена на русский язык и издана под грифом «секретно».

Полемика в среде социологов о новых формах социальной дифференциации и уже упоминавшихся «пограничных слоях» (рабочих-интеллигентах, рабочих-крестьянах, работниках межведомственных организаций и т.д.) вызвала возражения «научных коммунистов». Сам вопрос был назван «надуманным». В соответствии с тезисом о «ведущей роли рабочего класса», по утверждению оппонентов, следовало акцентировать внимание не на процессах дифференциации, но, напротив, - на преодолении различий внутри самого рабочего класса.

Исследование, начатое в 1975 г. в г. Горьком по международному проекту «Автоматизация и промышленные рабочие» (руководитель В.И.

Усенин), установило, что переход от механизации к автоматизации ведет к несомненным изменениям в характере, содержании и условиях труда. В 1979 г. были обследованы все квалификационные группы рабочих, что подтверждало существенную неоднородность состава рабочего класса [11].

В связи с анализом структуры отдельных классов и групп возникает интерес к проблематике их социального воспроизводства: изменению социально-демографического состава, социальным источникам пополнения, профессиональной и образовательной мобильности и т. д. Фиксировалось снижение доли выходцев из крестьян и повышение удельного веса выходцев из рабочих, интеллигенции, служащих; возрастание роли отраслевых и региональных факторов; качественные сдвиги в образовательно-квалификационном уровне; различия в адаптации молодых рабочих на производстве и др.

В том же направлении ведутся исследования высшей школы. Опрос студентов высшей школы в середине 70-х гг. в шести регионах страны обнаружил существенные различия между учащимися вузов различного профиля по «выходу» из разных социальных групп, мотивам поступления в высшую школу, жизненным планам, ценностным ориентациям и т.д. И здесь опять-таки фиксировалась усиливающаяся социальная неоднородность [12].

Другой вывод заключался в том, что одним из основных источников пополнения интеллигенции стал рабочий класс.

Таким образом, если идеологические установки утверждали формирование социально однородного общества, социологические исследования, по существу, их опровергали. Как правило, доказывая нарастание социальных различий, социологи не шли на открытую критику тезиса однородности, но цитировали тот или иной официальный документ (обычно это были ссылки на решения ЦК КПСС и доклады на партийных съездах), а далее рассматривали проблему как таковую. Издательские редакторы, в свою очередь, видели эту несообразность, но требовали лишь

одного: упоминания партийных установок — и тем самым вместе с авторами участвовали в этой «игре» с идеологическим цензором.

Достаточно интенсивно развивались также исследования, связанные с изменениями в социальной структуре сельского населения. Они имели свою проблематику: о двойственной природе колхозной части интеллигенции и служащих, о характере и критериях внутриклассовых различий, их соотношении с различиями между классами; о природе и содержании существенных различий между городом и деревней, аграрным и индустриальным трудом и т.д. Заметный вклад в развитие этого направления внесли Ю.В. Арутюнян, Т.И. Заславская, В.И. Староверов, П.И. Симуш. Новая «программная» установка была дана XXV съездом КПСС (1976 г.) в тезисе о «создании однотипной социальной структуры во всех регионах страны, у всех социалистических наций, входящих в новую историческую общность — советский народ». В соответствии с нею разворачиваются исследования развития регионов и городов: социальная структура городского населения, различия между крупными и малыми городами, миграционная подвижность населения, городская семья и т.д. Дело в том, что исследования социально-классовой структуры и национальных отношений ранее осуществлялись порознь; теперь их совмещение позволяло прояснить динамику социального состава «наций» и «народностей», обнаружить реальные, а не надуманные различия между ними в процессах изменений социальной структуры, в направленности социальной мобильности, в особенностях демографии, в социально-культурном облике. Среди инициаторов изучения этой проблематики — Ю.В. Арутюнян, В.В. Бойко, Л.М. Дробужева, М.С. Джунусов, Ю.Ю. Какх и др. Исследования проводились в Татарии, Эстонии, Латвии, в Сибири и др. регионах СССР. На первый план выступили вопросы, связанные с характером социально-региональных (территориальных) различий, обсуждалась типология регионов и перспективы их развития. Исследования в 80-е гг. проходили в соответствии с очередной партийной установкой о возможности

формирования бесклассовой структуры «в главном и основном» в исторических рамках «развитого социализма» (XXVI съезд КПСС, 1980 г.). Социологи переформулировали этот тезис. В проблематику «органической ее целостности» (IV Всесоюзная научная конференция, 1981 г., г. Таллинн; V— в г. Харькове, 1985 г.). «Целостность» описывается в понятиях системно-структурного целого составляющих, ее социальных групп и слоев, групп по характеру труда, образованию, образу жизни, динамики и направленности социальной мобильности.

Однако по-прежнему доминирует преимущественно одномерное рассмотрение социальной структуры. Такие критерии, как участие во властных отношениях и престиж, использовались скорее с декоративной целью (участие в общественной работе, профессиональные предпочтения и т.д.).

Наиболее деидеологизированной сферой была разработка инструментария исследований социально-классового расслоения, в рамках которого система критериев межклассовых и внутриклассовых различий переводилась в соответствующие показатели и индикаторы. Например, тщательно верифицировались показатели характера и содержания труда, профессионально-квалификационные характеристики, условия труда и быта, структура рабочего и внерабочего времени и др. По сути дела, многие из этих индикаторов и сегодня остаются адекватными социальным реалиям, так что создают возможность вторичного анализа под углом зрения различных теоретических подходов.

Исследования, проведенные в начале 80-х гг. в Горьковской области, Башкирии и других регионах, выявили заметные различия между основными слоями рабочего класса, а крупномасштабные обследования интеллигенции позволили уточнить границы неоднородного слоя «специалистов».

Заметную роль в рассматриваемой области сыграло всесоюзное исследование, осуществленное ИСИ АН СССР совместно с другими социологическими центрами страны (руководитель Г.В. Осипов), под

названием «Показатели социального развития советского общества». Оно охватывало рабочих и инженерно-производственную интеллигенцию в основных отраслях народного хозяйства девяти регионов и зафиксировало ряд важных тенденций. До начала 80-х гг. имела место довольно высокая динамика социально-структурных изменений, но позже общество утрачивает динамизм, стагнирует, преобладают воспроизводственные процессы. При этом и само воспроизводство деформируется — растет численность бюрократии и «нетрудовых элементов», деятели теневой экономики превращаются в фактор латентной структуры, высококвалифицированные рабочие и специалисты зачастую выполняют работу ниже уровня своего образования и квалификации. Эти «ножницы» в среднем по стране составляли от 10 до 50% по различным социальным слоям.

В условиях централизованного хозяйства с административно-директивными методами управления сложилась так называемая статусная система оплаты труда при абсолютном доминировании производства. Система начала формироваться уже в период форсированной индустриализации с акцентом на развитие тяжелой и оборонной промышленности. Максимальная мобилизация ресурсов для этих целей обусловила и принципы оплаты труда, преимущественно предполагающие поддержание элементарного прожиточного минимума. Этим же определялись и принципы дифференциации зарплаток и оплата труда по отраслям хозяйства, где имели большее значение различия по отраслям, нежели различия в эффективности труда работников.

Уже в 50—60-х гг. руководство страны осознает необходимость пересмотра сложившейся системы оплаты труда, инициирует разные формы оплаты «по результатам», что растягивается почти на тридцать лет, причем проводится в жизнь непоследовательно и половинчато. Разрыв в оплате труда между рабочими и колхозниками, рабочими и служащими уменьшается, но принцип статусной дифференциации зарплаток сохраняется, как и различия в заработной плате по отраслям. «Уравниловка»

по-прежнему доминирует, материальное стимулирование, несмотря на реформы, неэффективно.

В советском обществе в 70—80-е гг. все отчетливее оформлялся слой бюрократии, получившей у разных авторов различное название: номенклатура, партократия, новый класс, контркласс. Этот слой обладал исключительными и натуральными правами, льготами, привилегиями, доступными на отдельных ступенях иерархии, носителям определенных статусов, зарезервированных для них номенклатурным механизмом распределения функций и соответствующих им благ. При этом номенклатурные ступени социальных иерархий обладали собственной качественной спецификой, являвшейся следствием фетишизма отношений власти, господства административно-политических принципов оценки человека. Позже Т.И. Заславская выделила в социальной структуре три группы: высший класс, низший класс и разделяющую их прослойку. Основу высшего слоя составила номенклатура, включающая высшие слои партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии. Она является собственником национального богатства, которое использует по своему усмотрению. Низший класс образуют наемные работники государства: рабочие, крестьяне, интеллигенция. У них нет собственности и прав участвовать в распределении общественной собственности. Социальную прослойку между высшим и низшим классами образуют социальные группы, обслуживающие номенклатуру, не имеющие частной собственности и права распоряжаться общественной, во всем зависимые. Сходную схему анализа социальной структуры советского общества предлагают и зарубежные авторы (М. Восленский, А. Инкельс, В. Текенберг и др.).

В середине 80-х гг. Л.А. Гордон и А.К. Назимова, используя материалы официальной статистики, показали, что изменения, происходящие внутри рабочего класса, совершаются главным образом вследствие технико-технологического прогресса, изменений в социально-стратификационной структуре советского общества в целом. Такой подход как бы интегрирует

профессионально-технологические особенности труда и существенные черты социального облика работника: условия труда, его социальные функции, своеобразие быта, культуры, общественной психологии и образа жизни [13].

В исследованиях социально-классовой структуры сельского населения, особенно в конце 70-х—начале 80-х гг. (по материалам обследований в Брянской, Калининской, Владимирской областях, Удмуртии, Чувашии, Ставропольском крае, Молдавии), серьезно анализируется содержание категории «деревня». Обсуждаются сдвиги в составе сельского населения: изменение меж- и внутриклассовых отношений, формирование пограничных социально-классовых элементов (рабочие-интеллигенты, крестьяне-интеллигенты, рабочие-крестьяне) [14].

Изучение социально-территориальных общностей выходит за пределы сельских поселений (деревни), оно охватывает широкий круг проблем, связанных с социально-региональными и национальными различиями. Была начата разработка показателей, характеризующих социально-экономическую типологию регионов. В наши дни выявилась крайняя важность этой задачи вследствие тенденции к регионализации, к анклавизации.

Социальная мобильность, в отличие от 60—70-х гг., становится предметом изучения не только социологов, но и экономистов, статистиков, демографов.

Крупномасштабное исследование социальной мобильности ИСИ АН СССР (1984—1988 гг., руководитель Ф.Р. Филиппов) осуществлялось в 12 республиках и областях совместно с отделом социальной статистики ЦСУ СССР и многими региональными центрами страны. Сопоставление данных о профессиональной карьере людей, вступивших в трудовую жизнь от начала 40-х до начала 80-х гг., позволило по-новому увидеть эволюцию тенденций и направлений социальной мобильности [15].

Особое место во второй половине 70-х—80-е гг. занимали сравнительные исследования, проводимые совместно с социологами стран

Юго-Восточной и Центральной Европы. В 1974 г. была создана Проблемная комиссия по социологии «Эволюция социальной структуры. Социальное планирование и прогнозирование» (позже переименована в «Социальные процессы в социалистическом обществе»), в работе которой принимали участие социологи Болгарии, Венгрии, Польши, ГДР, Румынии, СССР, Чехословакии.

Для советских социологов работа в комиссии была крайне полезной и особенно в том, что она расширяла диапазон теоретико-методологической рефлексии в рамках марксизма. Польские и венгерские коллеги (например, В. Весоловский, П. Тамаш) подчас ставили вопросы, казавшиеся другим участникам, включая советских, «слишком смелыми», но мало-помалу формировалась концепция, стимулирующая участников к профессиональной работе над проблемой.

В рамках Комиссии действовали исследовательские группы по изучению рабочего класса, интеллигенции, крестьянства, по проблемам социальной мобильности и образования.

В 1976—1982 гг. было проведено международное эмпирическое сравнительное исследование динамики социальных изменений рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции в условиях общего замедления темпов развития социалистических стран Европы, стагнации социальной сферы и господства иллюзорных концепций «социальной однородности». Навязывались представления об исчезновении, отмирании социального многообразия: в экономике — только одна, государственная собственность, в социальной сфере — стирание всех различий, в политической — неизменность политических структур, одна схема управления. Международное исследование выявило области, где внутриклассовые различия становятся более существенными, чем межклассовые, т.е. обнаружило новый тип социальной дифференциации в континууме умственно-физического труда. Кроме того, было убедительно

показано, что механизмы интеграции и механизмы дифференциации с разной степенью интенсивности действуют в различных странах [16].

Международное сравнительное исследование по проблемам высшей школы и молодежи показало, что высшая школа в странах СЭВ играла роль важнейшего канала социальной мобильности, а социальные источники формирования студенчества в значительной мере воспроизводили существующую структуру. Проводились и другие подобные исследования [17].

На V Всесоюзной конференции по проблемам социально-классовой структуры (Таллинн, 1981 г.) было заявлено о необходимости создания современной концепции социальной структуры, дающей реалистические оценки тенденций возникновения новых форм социальной интеграции и дифференциации, ибо исследования выявляли многообразные критерии социальной дифференциации общества.

В 90-е годы в российском обществе начинают развиваться трансформационные процессы: экономическая реформа, плюрализация форм собственности, демократизация, что повлекло за собой возникновение новых социальных общностей, изменение положения традиционных классово-групповых общностей, их границ, количественных и качественных характеристик, возникновение маргинальных и пограничных слоев. Переход от советского к более демократическому обществу рассматривается как процесс становления гражданского общества – демократического, рыночного, правового. Оно, с одной стороны, является полем, на котором разворачивается борьба разнонаправленных частных и групповых интересов, субъектами которых выступают различные слои и общности, а с другой – активным фактором этого процесса.

В начале 90-х годов большинство исследователей социальной структуры в России изменили парадигму исследований. Произошел переход от марксистской парадигмы к теории социальной стратификации. Под социально-стратификационной структурой общества понимается

многомерное, иерархически организованное социальное пространство, в котором социальные группы и слои различаются между собой степенью обладания собственностью, властью и статусом. Основными критериями расслоения рассматриваются экономический, профессиональный, властный, а также степень адаптации к трансформационным процессам. [18]

Ситуация усложнялась для исследователей тем, что предмет исследований – социальные структуры – находились в ситуации изменений, становления нового качества, были аморфны. В связи с этим, внимание акцентировалось не столько на количественных показателях групп и слоев, сколько на их взаимосвязях и взаимоотношениях (дезинтеграция, интеграция, конфликт и партнерство). Исследовалось иерархическое строение общества по тем или иным критериям.

Современную социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как стабильное устойчивое явление. Появившиеся различные формы собственности привели к рождению новой социальной структуры с новыми формами социальной дифференциации. Основной характеристикой современного российского общества является его социальная поляризация, расслоение на большинство бедных и меньшинство богатых. Таким образом, налицо конфликт между сущностью проводимых экономических реформ и ожиданиями и стремлением большинства населения. Пространство социальной стратификации как бы свертывается практически к одному показателю – имущественному (капитал, собственность, доход).

Специфика российского общества, кроме прочего, состоит в том, что процесс глобализации накладывается на противоречивый процесс трансформации, сопровождающийся углублением социального неравенства (по всем показателям) и маргинализацией значительной части населения. Многие процессы, протекающие в глобальном обществе, своеобразно преломляясь, имеют место и в российском обществе. Формируется класс собственников (аналог международного господствующего класса), расширяются средние слои. Появился слой менеджеров, гастарбайтеров,

маргиналов («поколение X» у Коупленда), бедных. Россия активно включается в процессы «глокализации», порождая различные «гибридные практики» и «кентавризмы».

В последние десять лет акцент в исследованиях социальных структур делается на проблемах социального неравенства, расслоении [19]. Особым предметом исследований становится «средний класс», «средние слои». На разных выборках как на региональных, так и на всероссийских исследуется эта социальная группа на основе стратификационной парадигмы [20]. Большое внимание уделяется изучению адаптивных возможностей различных групп населения к процессам трансформации, в том числе предпринимателей [21], в том числе и профессиональных. Исследуется поколенческий аспект развития социальной структуры. По-прежнему в центре внимания находятся проблемы регионализации социальной структуры. Регионализация и анклавизация в настоящее время – существенная характеристика всей социально-экономической и политической жизни страны. Поэтому важнейшая задача – изучение отдельных слоев и групп со всей системой социальных конфликтов и противоречий в различных регионах страны, резко различающихся между собой по многим экономическим и социально-культурным показателям.

Одна из наиболее проблемных областей российской жизни, претерпевшая существенные изменения в ходе реформ – социальная мобильность в российском обществе. В рамках этой темы возникла необходимость продолжить теоретико-методологические и эмпирические изыскания.

Ведется углубленное изучение отдельных профессиональных групп – ресурсных слоев общества, степень их адаптации. Механизмы формирования, социальная динамика, причины и направления изменений социальных статусов различных профессиональных групп специалистов с высшим образованием в резко меняющемся обществе, где социальное расслоение оказалось более значительным, чем в стабильных социальных системах, не

изучены в достаточной степени. Эти проблемы часто обсуждаются на страницах социологических и общественно-политических журналов. Однако весьма мало исследуются проблемы рабочего класса, отдельных слоев специалистов. Не слишком много внимания уделяется крестьянству [22].

В заключении отметим, что проблематика социальной стратификации российского общества является сегодня приоритетной в российской социологии. Она достаточно многопланова.

Исследователи большое внимание уделяют изучению процесса формирования модели современного российского общества. Под моделью понимается складывающаяся или уже сложившаяся система отношений между социальными группами, основанная на различных взаимосвязях статусных позиций этих групп: экономических, политических, социокультурных и т.д.

Социальную трансформацию общества сегодня характеризует не только появление ранее не существовавших позиций в системе стратификации – прежде всего класса крупных и средних собственников, возникновение слоя «новых бедных», маргиналов, безработных, но и их соответствующая адаптация к вновь возникающим статусно-ролевым функциям, переориентация социальной и личной идентичности.

Перед социологами стоят сложные задачи по выявлению тех элементов стратификационной структуры современного общества, которые потенциально могут создавать условия для более эффективной реализации человеческого капитала в процессе взаимодействия с властью и бизнесом в условиях рыночной экономики. Актуальна проблема экономического и социально-культурного неравенства в обществе и социально-демографический потенциал социальных слоев, а также проблема социальной маргинальности, особенно характерная для некоторых «старых» и нарождающихся новых слоев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Более подробно см.: З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитхянян. Социальная структура и стратификация // Социология в России. М., 1998. С. 104-129.
2. Рабочий класс и технический прогресс. М., 1965; Человек и его работа. М., 1967; Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968.
3. Из истории рабочего класса СССР. Л., 1962; Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968; Процессы изменения социальной структуры в советском обществе. Свердловск, 1967.
4. Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса. М., 1970.
5. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
6. Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977.
7. Кугель С.А. Новое в изучении социальной структуры. М., 1968.
8. Шубкин В.Н. Социологические опыты. М., 1970.
9. Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М., 1970.
10. Проблемы социальной мобильности. М., 1974.
11. Формирование социальной однородности социалистического общества. М., 1981.
12. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М., 1978; Социальные перемещения в студенчество. Вильнюс, 1982; Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность. М., 1989.
13. Гордон Л.А., Назимова А.К. Рабочий класс СССР: Тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985.
14. Староверов В.И. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976; Социальная структура сельского населения СССР на этапе

- развитого социализма, М., 1978; Социальный облик среднерусской деревни. М., 1992.
15. Региональные проблемы социальной мобильности. М., 1991.
 16. Рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция в социалистических странах. М., 1989.
 17. Молодежь и высшее образование в социалистических странах. М., 1984; Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. М., 1984.
 18. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация российского общества. М., 2003; Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М., 2004; Россия. Новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М., 2004; Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999; Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., 2001
 19. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. Ред. М.К. Горшкова. М., 2007
 20. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Авт. коллектив: Е.М. Аврамова, Т.М. Малева (руководитель), М.В. Михайлюк, Л.И. Ниворожкина, А.А. Овсянников, Л.Н. Овчарова, В.В. Радаев, Я.М. Рощина, С.В. Сурков, Н.Ю. Фирсова. М.: Гендальф, 2003; Аврамова Е.М., Григорьев Л.М., Космарская Т.П., Малева Т.М., Михайлюк М.В., Овчарова Л.Н., Радаев В.В., Урнов М.Ю. Средний класс в России: количественные и качественные оценки. М.: ТЕИС, 2000.
 21. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. М., 2004; Лапин Н.И. Социокультурный портрет региона. М., 2006)
 22. Человеческий капитал на селе. Краснодар, 2006; Крестьяноведение. М., 2005.